

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

УРАЛЬСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
№ 2(27)

ЕКАТЕРИНБУРГ - 2010

ББК 63.3 (235.55)
У 68
УДК 94 (470.5)

Уральский исторический вестник № 2 (27), 2010

Екатеринбург

Выходит с 1994 года
Индекс по Каталогу российской прессы «Почта России» — 72574

Научное издание трудов российских и зарубежных историков, археологов и этнологов. Представляет актуальные проблемы истории России в цивилизационной и геополитической динамике, теории и методы исторического познания

Главный редактор
чл.-корр. РАН А. В. Головнёв

Редакционная коллегия

д.и.н. Е. Т. Артемов (зам. гл. редактора), к.и.н. В. А. Бабинцев, д.и.н. А. М. Белавин, д.и.н. А. Е. Загребин, д.и.н. В. В. Запарий, д.и.н. В. Н. Земцов, к.и.н. К. И. Зубков, д.и.н. В. А. Ильиных, д.и.н. Г. Е. Корнилов, д.и.н. Л. Н. Корякова, к.и.н. И. Л. Манькова, д.и.н. В. С. Мосин, к.и.н. Е. В. Перевалова (отв. секретарь), к.и.н. И. В. Побережников (зам. гл. редактора), д.и.н. С. П. Постников (зам. гл. редактора), д.и.н. Д. А. Редин, д.и.н. А. С. Сенявский, к.и.н. А. Ф. Сметанин, д.филол.н. Е. К. Созина, д.и.н. А. В. Сперанский, д.и.н. В. П. Тимошенко, д.и.н. А. Ф. Шорин

Редакционный совет

акад. РАН В. В. Алексеев (председатель), проф. д.и.н. Л. И. Бородкин, чл.-корр. РАН В. А. Ламин, проф. К. Малфлиет (Бельгия), акад. РАН В. И. Молодин, чл.-корр. РАН Е. К. Ромодановская, проф. Д. Свак (Венгрия), акад. РАН В. А. Тишков, проф. Р. Торстендаль (Швеция), проф. Ли Чун Лун (Китай)

А. Д. Таиров

УРАЛО-АРАЛЬСКАЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЛАСТЬ КАК РЕЗУЛЬТАТ АДАПТАЦИИ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ К УСЛОВИЯМ ВМЕЩАЮЩЕГО ЛАНДШАФТА

Разносторонние связи между населением Южного Урала и Арало-Каспия, прослеживающиеся в археологическом материале разных эпох, стали основанием для выделения особой Урало-Аральской культурно-исторической области (КИО¹) с достаточно четкими природными границами. На востоке это Тургайская ложбина с реками Тургай и Убаган, системой озер Сарыкопа, Аксуат, Жарман и Кушмурун. На западе и северо-западе — река Урал в ее нижнем и среднем течении, отделяющая Урало-Аральскую КИО от Волго-Уральской. На севере граница области совпадает в основном с границей между северной и южной лесостепью Приуралья и Зауралья. Крайние пределы южных границ охватывают низовья рек Сырдарья и Амударья, Сарыкамьшскую котловину и долину Узбой. В разные исторические периоды северные и южные границы области менялись: она то расширялась в меридиональном направлении, то сокращалась. Эти трансформации обусловлены не только изменениями природных условий, вызванными колебаниями климата, но и, особенно в эпоху средневековья и нового времени, конкретной этнической и политической ситуацией как на севере, так и на юге региона.

Исторически и географически Урало-Аральская КИО может быть разделена на две подобласти — западную, или Приуральскую, включающую Западный Казахстан, и восточную, или Зауральскую, — граница между которыми проходит по центральным хребтам Урала и Мугоджар. В археологической литературе за запад-

ной подобластью закрепилось название Южное Приуралье, а за восточной — Южное Зауралье.²

Первые контуры данной КИО достаточно отчетливо проступают уже в эпоху мезолита. Существование ее в эпоху неолита, пожалуй, не вызывает сомнений и обосновывается сходством характера каменной индустрии, орнаментации керамики и погребального обряда населения Арало-Каспия и Южного Урала.

В конце эпохи энеолита, на рубеже III–II тыс. до н. э., в силу климатических изменений Урало-Аральская КИО как целостная система прекращает свое существование, распавшись на два достаточно изолированных региона — северный и южный. В начале эпохи бронзы изоляция севера и юга какое-то время поддерживалась вторгшимся в зону северных степей инокультурным и иноязычным индоиранским населением и неблагоприятными природными условиями на юге области.³

Начало восстановления Урало-Аральской КИО связано, очевидно, с улучшением климатических условий на юге области и с процессом движения на рубеже эпох средней и поздней бронзы гетерогенного андроновского (петровского)⁴ населения степной зоны Южного Урала в Среднюю Азию. Инфильтрация этого населения в Приуралье привела к фор-

¹ Культурно-исторические области (КИО) — территории, у населения которых в силу общности исторических судеб, социально-экономического развития и взаимного влияния складываются сходные культурно-бытовые особенности. Культурно-исторические области проявляются в материальной культуре, а также в традиционной духовной культуре. КИО являются историческими категориями, возникающими, развивающимися и исчезающими в процессе развития конкретных этносов и их группировок на определенной территории.

Таиров Александр Дмитриевич — д.и.н., зав. кафедрой древней истории и этнологии Евразии Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск)

E-mail: tairov55@mail.ru

² См.: Таиров А. Д., Гуцалов С. Ю. Урало-Аральская культурно-историческая область // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы III регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Челябинск, 2006. С. 11, 12; Они же. Урало-Аральская культурно-историческая область в скифосарматскую эпоху // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии: Материалы междунар. науч. конф. Актобе, 2006. Ч. 1. С. 8, 9.

³ См.: Глушко Е. В. Цикличность ландшафтообразования Южного Приуралья в голоцене // География и природные ресурсы. 1996. № 4. С. 30–35; Таиров А. Д. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н. э.: Материалы к историческим реконструкциям. Челябинск, 2003. С. 36, 42.

⁴ По мнению Т. С. Малютиной «формирование тазабагыбской культуры... связано с инфильтрацией в местную среду не срубно-алакульского, а, скорее всего, петровского населения степного Зауралья... Юго-западное петровское население было неоднородно, в разной степени в нем присутствовали катакомбные, полтавкинские, раннесрубные компоненты. На ранних памятниках тазабагыбской культуры в керамике отчетливо выделяются орнаментальные схемы и стиль юго-западного петровского населения» (Урало-Аральские этнокультурные связи в эпоху средней и поздней бронзы // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2009. С. 23).

мированию здесь тазабагьябской культуры. Носители этой культуры на всем протяжении ее существования активно взаимодействовали с андроновским населением Южного Урала и Казахстана: материалы степных культур известны как на тазабагьябских поселениях, так и в непосредственной близости от них. Тазабагьябские поселения представлены устойчивыми, долговременными комплексами. Андроновские же стоянки носят сезонный характер. Несомненно, отдельные группы северных «андроновцев» приходили с отарами овец на юг, устраивали вблизи земледельческих поселений сезонные (скорее всего, зимние) стоянки и использовали близлежащие территории под пастбища. В результате, в финале этой эпохи, мы вновь видим достаточно четкие контуры описываемой области, о которых можно судить, исходя из близости керамики берсуатского типа Южного Зауралья и амирабадской Южного Приуралья.⁵

Применительно к раннему железному веку Урало-Аральская КИО видится уже как полностью сложившаяся система с присущими ей особенностями, отличающими ее от других культурно-исторических областей, например от Волго-Уральской. Пять основных хронологических этапов характеризуют ее развитие в эту эпоху. На первом этапе (VII–VI вв. до н. э.) Зауральская и Приуральская подобласти Урало-Аральской КИО еще относительно изолированы друг от друга. Зауральскую подобласть занимали носители бобровско-тасмолинской культуры, поддерживающие разнообразные связи с кочевниками Юго-Восточного Приуралья. Степи Южного Приуралья являлись лишь далекой периферией пастбищной территории номадов, основные кочевья которых находились на плато Устюрт и на прилегающих к нему с севера равнинах. Их зимовья и основные родовые территории были расположены, вероятно, в низовьях Амударьи и Сарыкамышской котловине.

В начале второго этапа (вторая половина VI–V вв. до н. э.) в составе населения Урало-Аральской КИО происходят значительные изменения, связанные как с перемещением кочевых групп внутри области, так и с притоком иноэтнических компонентов с запада и востока степной Евразии. Развитие местных культур

в начале второй половины VI в. до н. э. было резко прервано, но после короткого периода деструкции начинается период стабилизации. Он знаменуется выработкой в разноэтнической среде единых стереотипов — вызреванием черт общей, прохоровской, археологической культуры, памятники которой распространены от границ лесостепи Южного Урала до Устюрта, от Волго-Уральского междуречья до Тургайского прогиба.

Начало третьего этапа (конец V–IV вв. до н. э.) ознаменовалось появлением на территории Урало-Аральской области новой волны переселенцев с востока — из районов нынешнего Северо-Западного Китая (Восточного Туркестана). На Южном Урале пришельцы довольно быстро и органично слились с местным населением, заняв, вероятно, ведущие позиции в общественной жизни. Привнесенные ими инновации в погребальном обряде и инвентаре продолжали развиваться до конца I тыс. до н. э. Процесс этот стимулировался притоком в течение IV в. до н. э. новых немногочисленных групп кочевников Восточного Туркестана.

В конце V — начале IV вв. до н. э. восточная подобласть Урало-Аральской КИО (Южное Зауралье) вследствие резко наступившей аридизации вступает в эпоху экологического кризиса. Одновременно в южную лесостепь и степь Зауралья продвигается, под давлением племен саргатской культуры западносибирской лесостепи, население лесостепного Зауралья (гороховская культура). Все это привело, по видимому, к обострению демографической ситуации в Южном Зауралье — к перенаселенности, что, в конечном счете, и предопределило передвижение части южнозауральских кочевников и вошедших в их состав лесостепных зауральских племен. В начале IV в. до н. э. оно было направлено главным образом на запад и юго-запад, в степные районы западной подобласти Урало-Аральской КИО. Приток зауральских племен в степи Южного Приуралья и Западного Казахстана привел к значительному увеличению здесь численности кочевого населения. Данное обстоятельство обусловило, вероятно, массовую миграцию не позднее середины IV в. до н. э. ранних кочевников Урало-Аральской КИО («сарматов») на запад — в степи Восточной Европы.

Четвертый этап (конец IV — первая половина II вв. до н. э.) характеризуется перманентным оттоком кочевого населения из Урало-Аральской области. Движение его было

⁵ См.: Малютина Т. С., Зданович Г. Б., Петрова Л. Ю. Поселение Берсуат XVIII // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Сер. «Этногенез уральских народов». Челябинск, 2006. С. 170; Малютина Т. С. Указ. соч. С. 22–26.

направлено не только на запад — через степи Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья в Предкавказье и Северное Причерноморье, но и на северо-запад — в лесостепные районы Южного Приуралья и Подонья. С конца IV в. до н. э. кочевники Урало-Аральской КИО начинают играть активную роль в политических событиях в Средней Азии. Одновременно с этим идет активный процесс освоения номадами окраин земледельческих оазисов Средней Азии. Здесь они ведут свое традиционное кочевое хозяйство или переходят к полуоседлому или оседлому образу жизни.

На пятом этапе (вторая половина II в. до н. э. — II в. н. э.) кочевники Южного Урала входят в государственные образования, возникающие в это время в Средней Азии и примыкающих к ней степях (Кангуй, Яньцай, Аланья). С этого времени основой существования Урало-Аральской КИО становятся не только природные, как это было ранее, но и политические факторы, роль которых в дальнейшем, в эпоху средневековья и нового времени, постоянно возрастает.

Окончательно оформившись к середине I тыс. до н. э., Урало-Аральская КИО просуществовала вплоть до начала XX в. Основой ее функционирования в этот период, залогом ее устойчивости явилась пастбищно-кочевая система, или система посезонного распределения пастбищ и водных источников⁶ и, в частности, арало-уральский цикл кочевания.⁷

Кочевой тип хозяйственной деятельности, функционирование и генезис которого во многом зависели от особых природно-климатических условий аридной зоны Евразии, являлся, и это надо особо подчеркнуть, своеобразной формой адаптации человека к специфическим условиям среды обитания в определенных пространственно-исторических границах. В природно-климатических условиях евразийских степей, полупустынь и пустынь кочевое хозяйство являлось в докапиталистическую эпоху единственно возможным и экономически оправданным. К тому же данный тип хозяйства был наиболее рациональным и наиболее полно соответствовал этим условиям при су-

ществующем уровне развития производительных сил. «Никакая иная форма или режим хозяйствования не могли предложить сколько-нибудь реалистичной альтернативы освоению огромных пространств Евразийского умеренного пояса».⁸

Становление этой системы было обусловлено природно-климатическими факторами (температура воздуха, высота и плотность снежного покрова, количество и сезонное распределение осадков и т. п.); зональностью и посезонными особенностями продуктивного периода с активной вегетацией растительного покрова и его низкой кормовой производительностью; ярко выраженной аридностью и неравномерностью распределения водных источников, их сезонностью; периодичностью поедания скотом скудной растительности. Все эти факторы определили не только динамическое состояние кочевников, вынужденных передвигаться в поисках естественного травостоя и водных источников, но и в значительной степени время и конкретное направление этих передвижений, т. е. посезонный характер использования пастбищ. Распределение пастбищ по временам года базировалось на эффективном использовании таких природно-климатических особенностей, как зональность вегетационного периода растительного покрова, сезонный характер его наивысшей продуктивности, периодичность поедания трав домашними животными. В зимний период, помимо качества травостоя, важнейшее значение имели плотность и высота снежного покрова, в летне-осенний период — обеспеченность водными источниками. Выбор же маршрутов и амплитуда кочевания были обусловлены ландшафтом, гидрографической сетью, наличием источников воды и их сезонным распределением, отдаленностью сезонных пастбищ друг от друга, характером сезонных миграций копытных (лошади, сайгака, кулана) в степях и полупустынях.⁹

Теми же факторами были обусловлены и сезонные миграции северных популяций кулана и сайгака, время и конкретные направления этих миграций, основные маршруты

⁶ См.: Акишев К. А. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972. С. 31–46; Таиров А. Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. Челябинск, 2007. С. 64–115.

⁷ См.: Кузеев Р. Г. Развитие хозяйства башкир в X–XIX вв. (к истории перехода башкир от кочевого скотоводства к земледелию) // АЭБ. 1968. Т. 3. С. 278, 280.

⁸ Масанов Н. Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX веков. Алма-Ата, 1984. С. 27.

⁹ См.: Таиров А. Д. Пастбищно-кочевая система и исторические судьбы кочевников Урало-Казахстанских степей в I тысячелетии до новой эры // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург, 1993. С. 3–15; Он же. Кочевники... С. 72–101.

передвижений.¹⁰ А. Н. Формозов отмечал, что «овцы и кони казахов круглый год паслись там же, где сайгаки и куланы; выгорание степного травостоя, массовый лет слепней и комаров, пересыхание водоемов, смена летних и зимних сезонов вызывали кочевки в сходных направлениях и у диких и у домашних стад».¹¹

Судя по палинологическим данным, мезолитический человек в Северном Прикаспии существовал в достаточно благоприятной среде, характеризующейся лесостепными ландшафтами и наличием крупных пресноводных водоемов. Климат был более прохладный и влажный, чем современный.¹² Основой его хозяйственной деятельности была охота на крупных копытных, прежде всего на кулана, а также сайгака. Специфика промысла этих животных состоит в сезонном характере организации охоты, так как и кулан, и сайгак являются, как уже отмечалось, сезонно-мигрирующими животными. Поэтому охотники эпохи мезолита Северного Прикаспия вынуждены были вести «сезонно-кочевой» образ жизни, находясь в постоянном движении. Передвижения вслед за стадами привели, вероятно, уже в мезолите к контактам населения Северного и Северо-Восточного Прикаспия, Устюрта и Мангышлака. Возможно, что различие районов зимовок куланов и сайгаков (Устюрт, Мангышлак, Предкавказье) обусловило жесткую ориентацию разных групп мезолитического населения Северного Прикаспия на различные источники кремневого сырья,¹³ а также определило различие в направлении постоянных культурных связей.

Установившись в конце палеолита, контакты Зауралья и Арало-Каспия в мезолите укрепляются за счет возможного продвижения части населения или передачи традиций из районов Передней Азии в Зауралье через территорию Приаралья и Восточного Прикаспия.¹⁴

¹⁰ См.: Слудский А. А. Сайгак в Казахстане // Тр. Ин-та зоологии АН КазССР. Алма-Ата, 1955. Т. 4. С. 18–55; Формозов А. Н. Животный мир Казахстана. М., 1987. С. 38–41, 80, 81; Жирнов Л. В. Кулан // Красная Книга России: <http://www.biodat.ru/db/rb/rb.php?src=1&vid=423>; Кулан // Благотворительный фонд охраны природы «Floranimal»: <http://www.floranimal.ru/pages/animal/k/190.html>.

¹¹ Формозов А. Н. Указ. соч. С. 9.

¹² См.: Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А., Сулержицкий Л. Д. Геолого-палеологические события севера аридной зоны в последние 10 тыс. лет // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1997. С. 46.

¹³ См.: Горашук И. В., Комаров А. М. Мезолитические охотники юга Волго-Уральского Междуречья // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1997. С. 27, 28.

¹⁴ См.: Мосин В. С. Каменный век // Древняя история Юж-

Около 7200 л. н. в Северном Прикаспии происходит резкая смена природных условий, которые рассматриваются как геолого-палеоэкологический кризис или катастрофа. Примерно за 200 лет произошла резкая аридизация климата: лесостепные ландшафты сменились пустынными и полупустынными, минуя длительную степную стадию. Это вызвало отток населения из Северного Прикаспия на север, в степную и даже лесостепную зоны.¹⁵

С этого времени в Северном Прикаспии примерно в течение 3000 лет господствовали ландшафты полынных и марево-полынных пустынь. Однако природные условия не оставались неизменными. Периоды аридизации, которые сопровождались активизацией эоловых процессов, сменялись периодами относительного увлажнения, сопровождавшимися процессами почвообразования. Длительность последних предварительно оценивается в 100–200 лет, а моментов, связанных с усилением аридизации и активизацией эоловых процессов, — в 500–600 лет.¹⁶

Наступление аридных периодов вело к сокращению популяций копытных в регионе, к снижению эффективности использования традиционных приемов охоты и, в конечном счете, к оттоку населения на север, в степную зону. По мере же улучшения природно-климатических условий в Северном Прикаспии население вновь осваивало этот регион, используя прежний хозяйственно-бытовой уклад, в основе которого — охота на копытных. В неолите население Северного Прикаспия охотилось главным образом на кулана и сайгака. В конце неолита (IV тыс. до н. э.) в условиях южной пустыни с высоким режимом обводнения фиксируется появление в фаунистических остатках костей крупного быка-тура и отличной от кулана лошади.¹⁷

Изменение ландшафтов вызвало удлинение маршрутов сезонных миграций кулана и сайгака, летние пастбища которых по-преж-

ного Зауралья. Челябинск, 2000. Т. I: Каменный век. Эпоха бронзы. С. 237; Он же. Неолит Южного Зауралья // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск, 2003. Вып. 2. С. 72.

¹⁵ См.: Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А., Сулержицкий Л. Д. Указ. соч. С. 46–48, 63.

¹⁶ Там же. С. 46–56.

¹⁷ См.: Барынкин П. П., Козин Е. В. Природно-климатические и культурно-демографические процессы в Северном Прикаспии в раннем и среднем голоцене (краткие итоги исследования) // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1997. С. 70–72.

нему были связаны со степной зоной. Однако степи теперь отодвинулись далеко на север. Вероятно, в эпоху неолита в Урало-Аральском регионе и Волго-Уральском междуречье окончательно утверждается система сезонных миграций северных популяций кулана и сайгака, являющаяся своеобразной формой их адаптации к изменившимся природным условиям. Для нее характерны постоянство размещения летних (в степной зоне Поволжья и Южного Урала) и зимних (полупустыни и пустыни Северного и Северо-Восточного Прикаспия, Устюрта, Мангышлака и Приаралья) пастбищ, стабильность путей ежегодных сезонных миграций.¹⁸ Следует отметить, что в конце XVIII — начале XIX вв. северная граница распространения куланов между Уралом и Иртышом проходила по 52° с. ш. В некоторых местах кулан проникал и дальше, например до Кокчетавских гор (около 54° с. ш.). В конце XVIII в. эти копытные все еще были обычными обитателями Волго-Уральского междуречья, а также северных районов нынешней Оренбургской области.¹⁹ В экстремально засушливые годы эти животные летом могли доходить до границы лесостепи.²⁰ Вслед за животными двигались и первобытные охотники. Они-то и являлись теми звеньями, которые связывали север и юг Урало-Аральской области в единое целое.

Сезонными перемещениями населения Восточного Прикаспия в меридиональном направлении вслед за мигрирующими копытными объясняет А. Е. Астафьев распространение стоянок тюлузской культуры на 600–700 км — от Мангышлака на юге до Сагыза и отрогов Мугуджар на севере. Показательно также то, что все известные на сегодняшний день стоянки этой культуры на Мангышлаке имеют характер недолговременных поселений или временных лагерей. Происхождение тюлузской культуры связано с аридным геолого-па-

леоэкологическим кризисом среднего голоцена. Вызванное им изменение ландшафтов вынудило часть населения оюклинской культуры эпохи мезолита Мангышлака «видоизменить свой образ хозяйствования, заставив, подобно современным скотоводам-кочевникам, ежегодно совершать переходы протяженностью до 1000 км». Эти передвижения привели к интенсивным контактам с местными племенами и, как следствие, к деформации культурных признаков. Так, по мнению А. Е. Астафьева, могла сформироваться тюлузская культура.²¹ Определенное воздействие на ее формирование оказали неолитические культуры Северного Прикаспия, Среднего Поволжья и Южного Урала, а также, возможно, кельтеминарская культура Приаралья. Таким образом, сезонные миграции охотничьих коллективов на большие расстояния обусловили активное взаимодействие культурно-исторических областей Арало-Каспия, с одной стороны, и Северного Прикаспия, Нижнего и Среднего Поволжья и Южного Урала — с другой.²² Очевидно, что эти сезонные миграции охотников вслед за копытными и являлись тем механизмом, который в эпоху неолита поддерживал функционирование Урало-Аральской КИО в двух ее основных частях — Приуральской и Зауральской.

В начале эпохи энеолита отмечается геолого-палеоэкологический оптимум. Он характеризуется прерывисто-направленным похолоданием климата и увеличением влажности. Происходят существенные изменения в палеоландшафте: на месте пустынь возникают разнотравные и злаково-полынные заозеренные степи. Однако процесс этот не был постепенным: он прерывался временными усилениями аридности и эоловых процессов.²³ В Северном Прикаспии эпоха энеолита характеризуется появлением нового хозяйственного уклада — скотоводства, о чем свидетельствует наличие в остеологических комплексах памятников хвалынской культуры костей овцы (до 40%). А значительная доля в этих комплексах костей сайги (до 70%) и кулана (до 26%) говорит о том, что производящее скотоводство еще не

¹⁸ См.: Слудский А. А. Джугты в евразийских степях и пустынях // Материалы по фауне и экологии наземных позвоночных Казахстана (млекопитающие и птицы). Алма-Ата, 1963. С. 5–88; Соломатин А. О. Кулан. М., 1973. С. 36; Баскин Л. М. Поведение копытных животных. М., 1976. С. 44, 127; Атлас Казахской ССР. Природные условия и ресурсы. М., 1982. Т. I. С. 75; Формозов А. Н. Указ. соч. С. 39–41, 80, 81, 98; Чибилев А. А. Лик степи (Эколого-географические очерки о степной зоне СССР). Л., 1990. С. 111–113.

¹⁹ См.: Соломатин А. О. Указ. соч. С. 32; Формозов А. Н. Указ. соч. С. 39, 40.

²⁰ Так, даже в конце прошлого века в засушливые годы заходы сайгака были отмечены автором в южных районах Челябинской области.

²¹ См.: Астафьев А. Е. Оюклинская неолитическая культура полуострова Мангышлак // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск, 2005. Вып. 4. С. 114.

²² См.: Там же. С. 112, 116; Астафьев А. Е. Памятники тюлузской культуры на полуострове Мангышлак // Вопросы археологии Западного Казахстана. Самара, 1996. С. 37–39.

²³ См.: Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А., Сулержицкий Л. Д. Указ. соч. С. 57–60.

стало основной отраслью хозяйства. Благоприятные природные условия региона определили повышенную демографическую емкость ландшафта, что и обусловило сосуществование в течение достаточно длительного времени групп населения с различным культурно-хозяйственным укладом.²⁴

Следует отметить, что условия зимней пастбы овец и сайгаков в полупустынях и пустынях и способы их тебеневки совершенно идентичны. Последние же не зимуют в степях и полупустынях, где высота снежного покрова превышает 20 см, а уходят на юг, в северные пустыни, где снега выпадает значительно меньше. Основные районы зимовок сайгака в конце XIX — начале XX вв. в Арало-Каспии находились в Рын-песках, на побережье Каспийского и Аральского морей, на Устурте и Мангышлаке.²⁵

Поэтому не выглядит совершенно неожиданным появление в энеолите материалов хвалынского типа далеко за пределами Волго-Уральского региона — на полуострове Мангышлак.²⁶ Хвалынское население, практиковавшее как охоту на крупных копытных, главным образом сайгака, так и подвижное скотоводство (овцеводство), было, очевидно, достаточно мобильным. Как охотники на сайгака и кулана «хвалынцы» передвигались за стадами этих животных при их сезонных миграциях. Как скотоводы они двигались вслед за сайгаками со своими, первоначально небольшими, отарами овец. Постепенно определились наиболее пригодные для овцеводства районы летних и зимних пастбищ, оптимальные сроки и маршруты сезонных перегонов. В связи с этим интересно отметить, что в XIX — начале XX вв. места летних и зимних пастбищ, сроки и пути перегона скота кочевниками-казахами почти полностью совпадали с местами летних и зимних пастбищ, а также с путями сезонных миграций сайги.²⁷

Связи между населением Арало-Каспия и Южного Зауралья в эпоху неолита — энеоли-

та получают дальнейшее развитие. Об этом свидетельствует сходство кельтеминарской и зауральских энеолитических культур в принципах домостроительства, в традициях изготовления посуды нестандартных форм, в технике орнаментации сосудов и в орнаментальных композициях. Черты наибольшего сходства в эпоху неолита проявляются прежде всего в каменной индустрии. Анализ погребальной обрядности населения этих территорий в эпохи неолита — энеолита показывает наличие в ней близких черт.²⁸ Все это, по мнению В. С. Мосина, «позволяет говорить об установлении единого культурного пространства, близкого по смыслу понятию этноязыковой непрерывности, по В. Ф. Генингу, между этими территориями».²⁹ Внутреннее содержание этого единого культурного пространства определяется уже не однонаправленным (с юга на север) влиянием, а взаимовлиянием и установлением лингвистической (как отражение — археологической) непрерывности. Внутри этого единства информация распространялась не в результате миграций населения, считает В. С. Мосин, а «по цепочке», передаваясь от одной локальной группы другой.³⁰

Начальным звеном цепочки, соединяющей юг и север Урало-Аральской области в единое культурное пространство, могло быть кельтеминарское население Приаралья, основу хозяйства которого составляла охота на стадных копытных. Впрочем все это не исключает, на наш взгляд, и единовременных миграций групп населения Арало-Каспия на север, приведших, по мнению исследователей, к формированию ряда культурных образований лесостепного и южнотаежного Зауралья.³¹ Эти миграции могли быть вызваны как резкими изменениями природной среды в результате палеоэкологических кризисов, так и повторяющимися в течение нескольких лет экстремально неблагоприятными климатическими условиями в регионе.

В Зауральской подобласти Урало-Аральской области эпоха энеолита также характе-

²⁴ См.: Барынкин П. П., Козин Е. В. Указ. соч. С. 76, 79.

²⁵ См.: Слудский А. А. Джугты... С. 15, 16, 35, 41; Фадеев В. А., Слудский А. А. Сайгак в Казахстане: (Экология, хозяйственное значение). Алма-Ата, 1982. С. 27; Атлас... С. 75; Танров А. Д. Кочевники... С. 78, рис. 31.

²⁶ См.: Астафьев А. Е. Оюклинская неолитическая культура... С. 112, 113; Астафьев А. Е., Баландина Г. В. Энеолитические памятники хвалынского типа полуострова Мангышлак (к вопросу о генезисе хвалынской культуры) // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1997. С. 149.

²⁷ См.: Слудский А. А. Сайгак в Казахстане. С. 31–35; Он же. Джугты... С. 15; Фадеев В. А., Слудский А. А. Указ. соч. С. 49–56.

²⁸ См.: Мосин В. С. Неолит Южного Зауралья. С. 70–72.

²⁹ Там же. С. 72.

³⁰ См.: Там же; Он же. Каменный век. С. 237, 238.

³¹ См.: Косарев М. Ф. Неолит Восточного Зауралья и Западной Сибири // Археология. Неолит Северной Евразии. М., 1996. С. 259, 261; Зах В. А., Фомина Е. А. К вопросу о происхождении Андреевской культуры // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 1999. Вып. 2. С. 20; Зах В. А. К проблеме неолитизации Западной Сибири // АВ ОВО: Проблемы генезиса культуры. Тюмень, 2005. С. 61–69.

ризуется появлением скотоводства, которое сочеталось с охотой на крупных копытных. Причем у южнотургайского, терсекского, населения скотоводство, вероятно, уже являлось основой хозяйственной деятельности. Домашние животные были представлены лошадью и крупным рогатым скотом, основными же объектами охоты были сайгак и кулан. Одна группа терсекского населения разводила крупный рогатый скот и лошадей, а другая — преимущественно лошадей. Обе группы населения, очевидно, вели полукочевой образ жизни, имея стационарные летние и зимние поселения. Летние поселения обеих групп были связаны с летними пастбищами в южной части Тургайского прогиба. Зимние поселения первой группы находились, возможно, в северной части Тургайского прогиба, в типичных для зимовок северных казахов XIX — начала XX вв. условиях. Зимние же поселения и пастбища коневодов, вероятно, находились на юге в районе Сырдарьи. Об этом может свидетельствовать керамика, имеющая аналогии среди материалов стоянок междуречья Амударьи и Сырдарьи.³² Примерно таким же маршрутом осуществлялись сезонные перекочевки табунов лошадей в начале XX в.³³ Вполне вероятно, что внутри Зауральской подобласти двухсторонние связи юга и севера могли осуществляться посредством не только подвижных охотников на стадных копытных, но и групп населения, практиковавших полукочевое скотоводство.

Общая тенденция развития природной среды Северного Прикаспия в конце периода, характеризующегося геолого-палеоэкологическим оптимумом имела ярко выраженную направленность на аридизацию. И конец эпохи энеолита уже характеризуется как ксеротермический эпизод с чрезвычайно активными эоловыми процессами и господством в ландшафте полынно-маревых ассоциаций. Одновременно существенные изменения происходят и в степной зоне Южного Урала, где ландшафты преобразовались в полупустынные и южные степные. Неблагоприятная экологическая ситуация вызвала очередной

отток населения из Северного Прикаспия.³⁴ Масштаб изменений природно-климатических условий позволяет определять этот достаточно длительный период как региональную экологическую катастрофу. Резкое ухудшение природных условий привело к невозможности ведения традиционного хозяйства, к разрыву внутренних и внешних связей культур финала каменного века.³⁵ Урало-Аральская КИО как единый организм прекращает свое существование, распавшись на два достаточно изолированных региона — северный и южный.

В эпоху ранней бронзы в Северном Прикаспии происходит затухание эоловых процессов, хотя сохраняются пустынные и полупустынные ландшафты. Одновременно существенные изменения природной среды происходят в степной зоне Урало-Аральской области, где теперь преобладают лесостепные ландшафты.³⁶ С установлением оптимальных климатических условий связано появление в Волго-Уральских степях памятников ямной культуры.³⁷ И уже с середины II тыс. до н. э. в степной и пустынной зонах Прикаспия мы обнаруживаем, по мнению Л. Л. Галкина,³⁸ археологические признаки ведения кочевого животноводства. Вновь оживают связи севера и юга Урало-Аральской области, начинает восстанавливаться единое культурное пространство. Завершается этот процесс в начале I тыс. до н.э. с утверждением в регионе кочевого скотоводства.

Таким образом, становление Урало-Аральской культурно-исторической области стало результатом адаптации населения к измене-

³⁴ См.: Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А. Геологическая история зоны евразийских степей в последние 10000 лет // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: Материалы конф. Челябинск, 1995. Ч. 5, кн. 2. С. 170; Они же. Основные геолого-палеоэкологические события конца позднего плейстоцена и голоцена на восточном склоне Южного Урала // Природные системы Южного Урала. Челябинск, 1999. С. 100, 101; Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А., Сулержицкий Л. Д. Указ. соч. С. 61, 62.

³⁵ См.: Барынкин П. П., Козин Е. В. Указ. соч. С. 80, 81; Мошин В. С. Каменный век. С. 238; Он же. Неолит Южного Зауралья. С. 72.

³⁶ См.: Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А., Сулержицкий Л. Д. Указ. соч. С. 62; Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А. Основные геолого-палеоэкологические события... С. 101, 102.

³⁷ См.: Барынкин П. П., Козин Е. В. Указ. соч. С. 81.

³⁸ К таковым Л. Л. Галкин относит поселения срубной культуры с незначительным культурным слоем в песках Западного Казахстана, зимник на одном из таких поселений в виде жилища наземного типа с отопительным устройством типа «кап». Свидетельством кочевого скотоводства, по его мнению, также является состав стада, увеличение числа погребений убитых в бою, распространение тамги и т.п. См.: Галкин Л. Л. Кочевники эпохи бронзы Западного Казахстана // Маргулановские чтения. 1990. М., 1992. Ч. 1. С. 78, 79.

³² См.: Логвин В. Н., Калиева С. С., Гайдученко Л. Л. О номадизме в степях Казахстана в III тыс. до н. э. // Маргулановские чтения. Алма-Ата, 1989. С. 78–81; Калиева С. С., Логвин В. П. Скотоводы Тургай в третьем тысячелетии до нашей эры. Кустанай, 1997. С. 100–123.

³³ См.: Баскин Л. М. Указ. соч. Рис. 6; Таиров А. Д. Кочевники... Рис. 30.

ниям природной среды, связанным с аридным геолого-палеоэкологическим кризисом среднего голоцена. Происшедшее изменения ландшафтов, вызвавшее удлинение маршрутов сезонных миграций стадных копытных, обитавших ранее в степной и лесостепной зонах Арало-Каспия, привело к становлению характерной для северной популяции кулана и сайгака системы посезонной смены пастбищ.

В процессе сезонных передвижений на север вслед за мигрирующими копытными первобытные охотники Арало-Каспия вступали в различного рода контакты с населением, постоянно обитавшим в степной зоне Южного Урала, а также приходившим сюда в ходе охотничьих экспедиций с предгорий Урала или более северных территорий. В результате этих контактов происходило взаимное обогащение традиций юга и севера, приведшее к установлению единого культурного пространства от Южного Урала до Прикаспия и Приаралья, к формированию Урало-Аральской историко-культурной области.

Вполне возможно, что в экстремально засушливые периоды группы охотников Арало-Каспия могли проникать в лесостепи Южного Урала. Не исключено, что часть из них по тем или иным причинам оставалась на северных территориях, включаясь в существующие здесь структуры и привнося в них элементы южной, в том числе и ближневосточной традиции.

С другой стороны, контакты, включая и матримониальные, населения севера и юга способствовали проникновению на юг Урало-Аральской области традиций степных и лесостепных племен Зауралья.³⁹ К становлению культурного сходства вели и локальные миграции в пределах ее отдельных районов.

Вышеизложенная общая концепция становления и функционирования Урало-Аральской культурно-исторической области на первом этапе ее существования в эпоху неолита и энеолита носит сугубо предварительный характер. Дальнейшие исследования в этом направлении, несомненно, внесут в нее свои коррективы.

Ключевые слова: *Урало-Аральская культурно-историческая область, вмещающий ландшафт, адаптация древнего населения, сезонные передвижения древних охотников, Арало-Каспий*

THE URAL-ARAL CULTURAL-HISTORICAL PROVINCE — RESULT OF ADAPTATION OF THE ANCIENT POPULATION TO THE CONDITIONS OF THE HOST LANDSCAPE

The formation and functioning of the Ural-Aral cultural-historical province during the Neolithic and the Eneolithic periods was based on the mobile hunting for the large seasonally-migrating hoofed animals. Beginning from the end of the Bronze Age the dominating economy pattern in the area became the pasture-based nomadic system. Both systems were a result of adaptation of the population to the host landscape conditions. In the first case it was the adaptation of the population with the subsistence harvesting type of economy, in the second — with the productive economy.

Alexander D. Tairou

³⁹ См.: Коробкова Г. Ф. Кельтеминарская культурная общность // Археология. Неолит Северной Евразии. М., 1996. С. 109.